

<отрывок>

Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца своего времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь московскую; скучный и полудикий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом.

А. Радищев смотрит вперед, на него пахнуло сильным веянием последних лет XVIII века. Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую *весну* девяностых годов: все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями. Иммануил Кант, сняв шапочку, говорил, удрученный величием событий, при провозглашении французской республики: «Ныне отпускаеши!».. С восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить в России: слезы, негодование, сострадание, ирония, — родная наша ирония, ирония — утешительница, мстительница, — все это вылилось в его превосходной книге. Радищев гораздо ближе к нам, чем кн. Щербатов; разумеется, его идеалы были так же высоко на небе, как идеалы Щербатова — глубоко в могиле, но это наши мечты, мечты декабристов.

Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца; он не ограничивает первыми тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины — *он едет по большой дороге*, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию громкий протест против крепостного состояния. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философия, которая пре-

обладала во французской литературе до реставрации Бурбонов и поддельного романтизма, устарела для нас. Но юмор его совершенно свеж, совершенно истинен и необычайно жив. И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце.

Что были для него убеждения, это он доказал, возвращаясь из ссылки. Вызванный самим Александром I на работу, он надеялся провести несколько своих мыслей и пуще всего — мысль об освобождении крестьян, в законодательство, и когда, пятидесятилетний мечтатель, он убедился, что нечего думать об этом, тогда он принял яду и умер!..